

DOI: 10.20913/2618-7515-2022-3-8

УДК 139.316 б

Оригинальная научная статья

От «многовекторности» через технологию «управляемого хаоса» к вероятностной модели трансформации Казахстана: социально-психологический анализ

В. В. Собольников

Сибирский институт международных отношений и регионоведения

Новосибирск, Российская Федерация

e-mail: vsobolnikovis@gmail.com

Аннотация. *Введение и постановка задачи.* Статья посвящена раскрытию психологической сущности и содержания спецоперации, связанной с попыткой госпереворота в январе 2022 года. Анализ практики спецоперации изучался с целью анализа психологических аспектов выделенного дискурса с учетом казахского менталитета, что актуализирует проблему и раскрывает новизну. *Методика и методология исследования.* Спецоперация вписывается в новую «Большую игру» акторов в Центральной Азии и как психологический концепт раскрывает для Республики Казахстан сценарий гибридной технологии насильственного перехода через «управляемый хаос» к вероятностной модели развития. Нарратив как методологический инструментарий к гиперболизации значения доступа к технологии деструктивных коммуникаций, подготовки и попытки госпереворота раскрывает психологию дискурса. Концептуализированный и несущий нарратив так называемого «лояльного» психологического воздействия с учетом специфики казахского менталитета внедрения управляемого хаоса и последующего расчленения Республики Казахстан посредством спецоперации задает способы его понимания и репрезентации как технологии нового типа. Синтез ее фрагментов на основе психологического анализа раскрывает особенности психологии борьбы за власть. *Результаты.* Выявлена специфика казахского менталитета в рамках конфликтно-деструктивных проявлений и идентифицированы на основе смыслового поведения вероятные акторы сложного соучастия попытки переворота. Кратко исследуются феномен «спецоперация» с уточнением понятия и концептов технологии системной дестабилизации Республики Казахстан: управляемый хаос, сетевизация, операции по достижению эффекта, геополитическая игра, преземптивное противоборство. Автор раскрывает формы, этапы и фрагменты проведенной операции спецслужбами ряда акторов при попытке вывода Республики Казахстан из сферы влияния России. Анализ их деятельности приоткрывает картину внутренних противоречий и целей проведения спецоперации. *Выводы.* Результаты исследования вносят вклад в теорию и практику срыва переворотов, а материал будет использован в курсе лекций по данной проблематике.

Ключевые слова: попытка государственного переворота, Республика Казахстан, спецоперация, менталитет, дестабилизация, управляемый хаос, акторы международной политики

Для цитирования: Собольников В. В. От «многовекторности» через технологию «управляемого хаоса» к вероятностной модели трансформации Казахстана: социально-психологический анализ // Профессиональное образование в современном мире. 2022. Т. 12, №3. С. 457–470. DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2022-3-8>

DOI: 10.20913/2618-7515-2022-3-8

Full Article

From "multi-vector" through the technology of "controlled chaos" to a probabilistic model of the transformation of Kazakhstan: socio-psychological analysis

Sobolnikov, V. V.

Siberian Institute of International Relations and Regional Studies

Novosibirsk, Russian Federation

e-mail: vsobolnikovis@gmail.com

Abstract. *Introduction and purpose setting.* The article is devoted to the disclosure of the psychological essence and content of the special operation related to the coup attempt in January 2022. The analysis of the practice of the special operation was studied in order to analyze the psychological aspects of the selected discourse, taking into account the Kazakh mentality, that actualizes the problem and reveals the novelty. *Methodology and methods of the study.* The special operation fits into the new "Big Game" of actors in Central Asia and, as a psychological concept, reveals for the Republic of Kazakhstan the scenario of a hybrid technology of violent transition through "controlled chaos" to a probabilistic development model. The narrative as a methodological tool for hyperbolizing the meaning of access to the technology of destructive communications, preparation and attempted coup d'état reveals the psychology of discourse. The conceptualized and carrying narrative of the so-called "loyal" psychological impact, taking into account the specifics of the Kazakh mentality of the introduction of controlled chaos and the subsequent dismemberment of the Republic of Kazakhstan through a special operation, sets the ways of its understanding and representation as a new type of technology. The synthesis of its fragments on the basis of psychological analysis reveals the peculiarities of the psychology of the struggle for power. *Results.* The specificity of the Kazakh mentality within the framework of conflict-destructive manifestations is revealed and the probable actors of the complex complicity of the coup attempt are identified on the basis of semantic behavior. The phenomenon of «special operation» is briefly investigated, with clarification of the term and concepts of the technology of systemic destabilization of the Republic of Kazakhstan: controlled chaos, networkization, operations to achieve effect, geopolitical game, preemptive confrontation. The author reveals the forms, stages and fragments of a number of actors carried out by the special services in an attempt to withdraw the Republic of Kazakhstan from the sphere of influence of Russia. An analysis of their activities reveals a picture of internal contradictions and the goals of the special operation. *Conclusion.* The results of the study contribute to the theory and practice of disrupting coups, and the material will be used in a course of lectures on this topic.

Keywords: coup attempt, Kazakhstan, special operation, mentality, destabilization, controlled chaos, actors of international politics

Citation: Sobolnikov, V. V. [From "multi-vector" through the technology of "controlled chaos" to a probabilistic model of the transformation of Kazakhstan: socio-psychological analysis]. *Professional education in the modern world*, 2022, vol. 12, no. 3, pp. 457–470. DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2022-3-8>

Введение. Январская трагедия 2022 года в Казахстане началась с выступления населения Жанаозена и Актау против двукратного роста цен на сжиженный газ. Затем беспорядки распространились на г. Алматы и далее по территории Западного Казахстана и столицы – г. Нурсултан. Нападения на представителей силовых структур сопровождали захвату оружейных магазинов, административных зданий и т.д. К экономическим требованиям добавились политические, в частности – вывести Назарбаева (далее по тексту: Елбасы – казахский отец нации) из властных структур. Президент К-Ж. Токаев, выступая по ТВ, информировал граждан Республики Казахстан (РК) о беспорядках, а 5 января Елбасы был снят с поста председателя Совета безопасности РК, и правительство отправлено в отставку. К-Ж. Токаеву после обращения в организацию ОДКБ была оказана помощь, после чего войска из РК выведены.

При этом январские события в СМИ получили различную оценку, где аналитиками использовались термины «переворот», «бунт», «борьба элит», «протестные выступления», «цветная революция» и т.д. Очевидно, имевший место системный конфликт во многих проявлениях раскрывается в виде сложного и многогранного явления, а психологическая составляющая конфликта в виде деструктивного воздействия на социум клановой

структуры, казахского национализма, «гюленизации» элиты, конфессиональных форм, системного организующего воздействия ряда международных акторов не исследовалась. Скрытый во многом характер январского кризиса 2022 года притягивает своей необычностью внимание не только аналитиков, экспертов, но и представителей отечественной и зарубежной общественности. Политико-психологический анализ может приблизить нас к пониманию сути кризиса в рамках процесса трансформации казахской «многовекторной» политики и поиска вероятностной модели развития казахского социума.

Постановка задачи. Центральная Азия, где Казахстан, обладая стратегическими ресурсами, занимает центральное положение [1], в новой «Большой игре» здесь раскрываются интересы и противоречия англосаксов. Изменения геополитической ситуации в регионе обнажили вызовы и угрозы, подтолкнув РК к поиску перспектив своего существования в новых условиях. Однако политика «казахизации» на основе дерусификации, тюркизации и других ее элементов привела к этноконфессиональной нестабильности, межэтническим конфликтам и т.д. Национальная идентификация в рамках этой политики, связанная с переселением казахов из южных областей в северные, Монголии и Китая при негласном

вытеснении русских, привела к дефициту адаптации к новой ситуации. Под нажимом номадной культуры человек подавлялся, а его предполагаемое включение в систему новых ценностей и традиций ислама и интеграция образцов поведения в итоге привели к формированию у казахов конфликтной идентичности [2, р. 231–254]. Концепция «многовекторности» стала терять свою привлекательность, повлекшую раскол казахской элиты, ориентированной на клан Н. Назарбаева, а другая направлена на поиск новой модели развития с установкой на президента К.-Ж. Токаева. При этом достаточная часть элиты являлась сторонником западной, а другая – турецкой модели развития. В этих условиях население, испытывая неприятие грубого навязывания западных ценностей, разделяло идеи национализма, а низкий уровень жизни, коррупция и др. радикализировали их среду. Трагедия обнажила кризисные явления Казахстана и понимание необходимости выхода на «особую международную траекторию» [2] дальнейшего развития.

Изучение литературы (А. Э. Галич, Д. А. Лушников, 2014; С. Г. Кара-Мурза, 2002; И. Н. Кузьмин, 1996; Э. Люттвак, 2012; К. Малапарте, 1998; Е. Г. Пономарева, 2015; В. В. Феллер, 2002 и др.) позволяет определить подходы к раскрытию природы явления. В исследованиях просматриваются разные варианты к пониманию январского кризиса, связанных, например, с транзитом власти; «революцией достоинства»; жестоким подавлением выступлений и установлением диктатуры. Другие отмечают признаки «дворцового» переворота [3], а также устремления джихадистов в союзе с криминалом к власти. Отдельные указывают на участие террористов ИГ, членов других подпольных групп, разгромленных в Сирии салафитов и их кураторов [4] из числа запрещенных экстремистских группировок.

Ценностно-психологическая трактовка кризиса в РК обнаруживается в ментальных особенностях и глубоких противоречиях казахского социума, которые усиливают этнопсихологические, конфессиональные и иные риски, разобщая элиту и погружая социум в состояние когнитивного диссонанса [3, с. 19]. Более того, вскрываются противоречия между восприятием Казахстана как светского государства и глубинной архаики с достаточной вероятностью ее легитимизации. Клановая структура казахской элиты, продолжая реализовывать исторически сложившееся жесткое соперничество за власть, экономические ресурсы и т. д., подвела к попытке дегуманизации отдельных этносов (дунгане, узбеки, уйгуры, таджики, русские и др.), вплоть до скрытого подстрекательства к геноциду [5]. Жузовые предпочтения в политике породили состояние крайнего психо-

логического напряжения внутри политической элиты. Дефицит баланса между кланами обусловил рост конфликтогенного потенциала, который и проявил себя в дни кризиса.

В целом гармонизация отношений в политическом пространстве РК была затруднена, поскольку в основе политики находилась категория идеологической толерантности к «своим» и неприятие «чужих» [4, с. 358–362]. Так, А. Умаров, будучи сторонником идей пантюркизма и известным своим неприязненным отношением к России, в оскорбительных тонах отзывался о Дне Победы, русскоязычных, а в бытность главой государственного МИА «Казинформ» опубликовал карту Казахстана, «прирезав» к имеющейся территории законные земли России, Китая и Узбекистана.

Значительному росту системных рисков способствовала также активизация внешних (США, Британия, ЕС, Турция и др.) [5] и внутренних деструктивных сил. Воздействие внешних разрушительных сил с подключением внутренних раскрывает смысловую природу январского кризиса, поэтому произошла инфильтрация ими элементов деструктивной организации в сегменты казахского социума, где разновеликие силы приобрели целевую направленность с тенденцией усиления процесса его расшатывания. Анализ январских событий и отдельных элементов во взаимосвязи раскрывает некоторые контуры спецоперации, реализованной западными спецслужбами, в которой просматриваются элементы динамичной централизованной структуры в виде когнитивной карты. Являясь генератором январского мятежа, политико-психологический дискурс в рамках реализации парадигмы «власть – масса» с ее внутренней логикой и системой инициировал специфические отношения «параноя-власть» [4, с. 16–17]. При этом стратегия деятельности, где «правда-справедливость» реализует два типа коммуникации: «политика у власти» и «политика в оппозиции». Более того, определяет менталитет бессознательной части «носителя казахской власти» на основе архетипов, массовых символов этноса, традиций, ислама, номады как военной организации, элементов власти [5], позволяющих достичь политических целей.

Одновременно «оппозиция» с ее манией разрушения и преследования, наличием цели захвата власти, стремлением к росту обладает фрагментированной структурой и организацией практики самоуправления [4, с. 17–19]. В условиях внутренней борьбы за власть система ценностей, норм и традиций [6] проявлялась в рамках «свой – чужой». Дискурс январского кризиса обнажил нарративы деструктивной деятельности радикальных националистов, пантюркистов и других групп оппозиции. Одновременно раскрывается

многоцелевая деятельность англосаксов, применяющих комплекс сложных многоуровневых технологий, имеющих сетевой характер. Так, если США проводит работу по созданию «управляемого хаоса» и второго очага напряженности у границ с Россией, то Британия – по отторжению западной части РК и созданию протектората с целью завладения месторождением титана. Турция при этом реализует процесс дальнейшего втягивания Казахстана в «Тюркский мир». Предпринятые ими организационные усилия в виде разработки и проведения спецоперации со скрытым подключением и использованием внутренних деструктивных сил имели возможность достичь синергического эффекта. В этом плане анализ специфики менталитета деструктивной части казахского социума и расшифровка дискурса спецоперации как инициатора нарративов кризиса позволяют вскрыть психологическую суть этого феномена. Выделенный нами психологический дискурс в данном ключе как проблема в научной литературе не получил должного осмысления, отсутствует ее теоретико-прикладной анализ.

Методика и методология исследования. Теоретическую основу исследования составил когнитивный подход, раскрывающий технологии, механизмы и другие средства смены политических режимов в Центральной Азии. Стратегия спецслужб США, Турции и выполняющей роль «мозгового центра» Британии нацелена на дестабилизацию и использование психологии «расшатывания и удешевления» для смены центральноазиатских режимов. Поэтому анализ проблем, связанных с проведением англосаксами спецоперации в РК, позволяет выделить две составляющих их деятельности: (а) менталитет казахов (см., напр.: [3; 7]) и производный (б) психологический дискурс их деструктивной практики. Методология анализа вытекает из смысла усиления влияния ряда западных стран и проблем складывающихся из противоречий и конфликтов в казахском социуме, формирующих дискурс [8]. С учетом его сложности, пребывании отчасти в архаичном состоянии [9] в основу изучения положен когнитивный подход с комплексом социально-психологических принципов и общенаучных методов: принципов всеобщей связи, объективности, методов системного и дискурс-анализа, синтеза, аналогии и научного обобщения.

Целью статьи являлся анализ психологических аспектов дискурса спецоперации. Для ее достижения ставились следующие задачи: а) рассмотреть специфику менталитета деструктивно-организованной части казахов в рамках их конфликтно-разрушительного поведения; б) исследовать идентификацию смыслового поведения участников и акторов по достижению своих групповых целей в процессе проведения спецоперации.

Результаты. 1. *Специфика казахского менталитета в проекции деструктивных проявлений.* Территория Казахстана как прародина многих монголо- и тюркоязычных народов в различных временных рамках имела названия: Туран, Степь Огузов, Дешт-и-Кыпчак, Туркестан. Только в 1991 г. РК объявлена независимым полиэтническим и поликонфессиональным государством, тем самым было положено начало ее истории. При СССР атеистическое воспитание «прошло мимо» казахов и не затронуло комплекса nomadных и исламских ценностей и их традиций [10, с. 203–204]. Поэтому процесс возрождения верований, традиций, обрядов и обычаев, исторических и культурных ценностей у «казахского псевдоэтноса» протекал бесконфликтно. Nomadная цивилизация оказала на менталитет казахов огромное влияние, поэтому их «образ мыслей нашел свое отражение в национальных орнаментах, где круговые линии, несущие неторопливо, последовательно и вольно чередуясь, передают широту и свободу пространства, Космоса» [11, с. 374].

Менталитет – «определенная совокупность компонентов этнического сознания казахов, обуславливающих структурную целостность и определенность этнических общностей, позволяющих идентификацию посредством предрасположенности действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать мир как иерархическую структуру, включая в себя предсознание, сознание, сверхсознание» [12, с. 8]. Менталитет казахов, как полагает Д. Кшибеков, включает такие особенности, как стремление к свободе, равноправию и независимости, влечение к изменению мира, духовности [13].

При анализе категории духовности К. Жукенов уточняет, что казахский этнос в ходе своего исторического развития вобрал в себя не только опыт совершенствования внутреннего мира человека, но и уважение к ближнему, создателю (Тенгри) [9] и почитание его заветов [14]. Концептуализация через отражение объективной реальности в умозаключениях, суждениях, понятиях, категориях казахов восходит к высшим формам познания как процессу преобразования знаний. Культурно-исторический контекст их мышления в виде взаимодействия концептуальных структур и операций опирается на систему концептуальных знаний, составляющих силу мышления.

Однако зависимость от nomadной системы подавляет нестандартные субъективные переживания, стесняющие творческий поиск, обнажает слабое место, поскольку когнитивная структура мышления реализует функции имитации, релятивизации, фиксации, контроля и т.д. Такая когнитивная организация обеспечивает регуляцию поведения, актуализируя при этом взаимосвязи nomadной культуры с социумом и трансформируя

менталитет социума либо ее части. Схематический подход к объяснению этого процесса складывается на уровне индивидуального сознания через способы трансляции знаний в менталитет и культуру, превращаясь в коллективные представления, дискурсы, идентичности и поведенческие реакции. Очевидно «проекция конфликтно-деструктивных проявлений» формировалась на основе ментально значимых и подлежащих трансляции идей, мифологий, ритуалов и символов, взятых из теории и практики тайноявных государственных переворотов. С обретением независимости у казахов наряду со специфическим складом мышления, присущего кочевой культуре, обнаруживаются ментальные особенности, которые не следует относить к предмету гордости, а, по их мнению, необходимо «выжигать каленым железом». Проявление последних они связывают с так называемой «оборванной культурной преемственностью», колониальной зависимостью и наличием скрытых разрушительных сил.

С обретением независимости Казахстана общественные процессы возглавили крайне националистически и антирусски настроенные группы, которыми был запущен механизм формирования «новых» представлений об окружающей среде. В ситуации выживания, наполненной экстремальными условиями, состоялась трансформация психологии социума на деформационной основе ценностей и отношений. Убеждают в этом результаты социологического исследования КИСИ [15], проведенные в РК в течение 2008–2010 гг. и показывающие, что 6,5% опрошенных считают себя сторонниками твердых национальных взглядов, выступающих в защиту казахского языка и интересов казахов. При этом 16,6% из их числа подтверждают свою национал-патриотическую позицию, полагая, что политика должна отвечать интересам только государствообразующей нации. Носителями национал-патриотической идеи являются группы с низким доходом и часть казахской интеллигенции.

При росте ксенофобских и ультранационалистических настроений в обществе утверждалась псевдоисторическая концепция «вечной борьбы казахов против колонизации». Западные посольства и фонды с помощью грантов проводили работу с казахской элитой и другими стратами общества по насаждению русофобского мировоззрения. В итоге создание такого информационно-психологического фона привело к переформатированию этноидентичности части казахов, их восприятия картины мира, системы управления социума и т. д.

Предельно обнаженные глубинные человеческие страсти, волевые порывы, мысли, превращаясь в факторы, усиливали процесс деструктивиза-

ции казахского социума [16]. Последнее имеет методологическое значение при анализе установки противопоставления «свои – чужие», раскрывая психологическое состояние той или иной части казахского этноса. Включение его после падения Советского Союза в жесткие социально-экономические отношения привело к трансформации сознания и дезинтеграционному расколу общества на ряд страт (этносы, группы и т. д.). При этом усилилась значимость жузовых отношений [17], в которых этноконфессиональный фактор по мере роста казахского самосознания усиливал этнические противоречия [5].

Сопровождаемый вполне понятным всплеском интереса казахов к своей истории и культуре, исторической памяти процесс породил идеологию этнократизма и роста крайних форм национализма [18]. Политика исторической ревизии и героизации лиц, служивших в СС, латинизации алфавита, стимулирования русофобии в контексте заигрывания власти с националистами могла привести к закономерному итогу. Проявилась нежизнеспособность модели межэтнического и межконфессионального согласия в РК, что привело к расслоению жителей по этническому признаку. Дефицит ресурсов привел к невозможности использования защитных средств культуры, позволяющих совладать с межэтническими конфликтами [8] и вытеснением русскоязычного населения. Сложилась новая этноконфессиональная мозаика, где при наличии титульного населения (казахи: мусульмане-суниты) ислам [19, с. 21] и православие в силу их пассивности не могли играть значимой роли и противостоять активности деструктивных сил.

Анализ имеющейся литературы [3; 6; 7; 9; 11] показывает процесс взаимодействия этнической культуры и ислама и «вписывание» последнего в религию доисламских традиций казахов с ритуалами шаманизма и тенгрианства [18, с. 100–106]. Образная форма религиозности обрела «новый» эзотерический и менее организованный характер. Однако ритуалы, совершаемые шаманами, усилили степень организованности, стимулируя историческую память. В настоящее время 11 млн казахов исповедуют одно из суннитских течений – исламо-ханафитский мазхаб, используя при этом термин «салафизм», воспринимаемый аналитиками как ваххабизм. Исповедующие образ жизни «праведных предков, они относят все позднейшие ответвления ислама к категории ереси, а суфийские воспринимают как язычество.

Салафизм проявил себя в начале 1990-х гг. среди казахской молодежи на Западе Казахстана. На 2013 г. КНБ РК было зафиксировано 24 «радикальных салафистских» джамаата с 495 членами, а спустя два года их насчитывалось около 15 тыс. членов. По их оценке салафиты превратились

в «основу формирования новых радикальных групп» и «социальную базу распространения экстремистской идеологии» [11]. В последние десятилетия ими была совершена серия получивших широкую огласку актов терроризма и нападений на сотрудников правоохранительных структур в целях завладения оружием. Внутренние и внешние причины их экстремистской деятельности остаются, а вербовочная работа способствует росту джамаатов, координирующих подрывную работу [20]. При этом ценностная трактовка этноконфессиональных процессов в РК приобрела в условиях форсированной казахизации деструктивную окраску и обнаруживается в племенной архаике в виде жестко конкурирующих трех жузов [9]. В связи с этим речь о сформированности единой нации идти не может, поскольку родоплеменное деление остается основой социального порядка.

О вероятности распада Казахстана с выделением помимо Сибирской Новороссии, ряда государственных образований на жузовом основе свидетельствуют ряд аналитиков и январский кризис¹. Этому способствуют архаизация этнокультурных ценностей во взаимосвязи с номадизмом, «кең дала» (просторная степь) со своим родом, приверженностью закону предков – «Ата Заң» [17–19]. Наличие этого феномена в казахской культуре обусловлено прежде всего родовыми межпоколенными отношениями, поддерживаемой памятью о предках, культом предков и др. Это подавляет адаптационные возможности казахов, формируя у элиты оторванный во многом некий идеальный образ, и в итоге происходит идеализация окружающей действительности. В результате казахский национализм, обнажая этноконфессиональные риски, погружает социум в состояние когнитивного диссонанса, где наряду с политическим и религиозным экстремизмом протекает процесс развития конфликтной идентичности [18].

Контекст родоплеменной организации казахов в итоге не позволил трансформироваться в единую казахскую нацию. Напротив, под мнимой «казахской нацией» просматриваются архаичные структуры жузов, а социальное неравенство привело к натуральному одичанию, особенно заметному в младших поколениях. Поэтому поиск пути «безопасного» развития казахского социума подталкивает ментально ориентированную его часть к сближению с Западом [21] либо включению в «тюркский мир» [22] при одновременной конфронтации с Россией.

Результаты социологического исследования КИСИ [15] показывают, что за модель западного пути развития выступает 21,8%, в то время

как 16,2% избирают модель стран России и СНГ, а 33% населения настроены на привлечение опыта мусульманских стран. При этом западной модели придерживаются респонденты среднего возраста (24,5%) и молодежь (23,2%). В пользу особого пути развития высказываются представители среднего (52%) и старшего возрастов (53,3%). Такая расстановка сил с учетом наблюдаемой радикализации казахского этноса, сопряженного с национализмом и салафизмом, в совокупности с безработицей и бедностью создает взрывоопасный конгломерат, в чем убеждают факты межнациональных конфликтов казахов с дунганами, уйгурами и другими этническими группами [20].

Исторически сложившаяся на жузовой основе социальная стратификация в виде иерархии задает реальный контекст организованного казахского общества, оставаясь постоянной его характеристикой. Номадный тип культуры, ставший наднациональным образованием «казахов» [3] проявляет себя через базовый архетип «уникального родоплеменного жузового единого тела казахского этноса». Единство казахов, разделенных на три основные части (жузы), воспринимается через родословную, что обуславливает присутствие производного от жузовой системы так называемой «параллельной» структуры.

Такая психологически адаптивная властная компонента с установками, политико-жузовым сознанием, мотивацией и другими элементами глубинной психологии жуза может поддерживать или подрывать стабильность общества. Поведенческая компонента вытекает из отношения к должному поведению при сотрудничестве с легитимными органами власти, функционируя в традиционных ее формах и родовых интересах. Именно жузы, обеспечивая защиту своих родоплеменных и элитных интересов, оказывают значительное влияние на общественно-политическое развитие страны. Консервация таких отношений формирует этнопсихологическую обстановку, не всегда способствующую консолидации общества [3; 8; 9; 16–18], поскольку феномен «жузового» подхода в кадровой политике используется внешними акторами, включая спецслужбы.

Казахстан, втянутый политикой «многовекторности» в общемировую систему поиска модели дальнейшего развития, испытывает деструктивное воздействие [21] со стороны Запада и тюркского мира [22]. Анализ постсоветского периода вскрывает масштабное проникновение в РК множества религиозных сект, школ, фондов деструктивной направленности. Показательной в этом плане является разрушительная деятель-

¹ Павленко Д. Тридцать лет этноцида русских в Казахстане: страшные цифры и печальные итоги. URL: <https://news-front.info/2022/01/11/tridtsat-let-etnotsida-russkikh-v-kazahstane-strashnye-tsifry-i-pechalnye-itogi/> (дата обращения: 11.01.2022).

ность движения Ф. Гюлена [23] по реисламизации казахов как «этнических мусульман». Сформированный им джамаат в виде строго законспирированной и скрытой для непосвященных иерархичной структуры, распространял разработанное им религиозное учение. Его сущность составляли элитистичность (от фр. elite – лучшее, отборное), стремление к распространению религиозного влияния с элементами секретности внутренней деятельности и структуры организации.

Движение, получившее название «фетхуллаци» и признанное в 2008 г. экстремистским, имело стратегию внедрения учения в программу образования Казахстана. Основная его цель – подготовить элиту, способную переформатировать общество в будущем [16]. Сообществу принадлежал фонд КАТЕV, спонсирующий казахско-турецкий лицей, где учатся дети представителей высших эшелонов власти РК. Именно в нем наряду с хорошим образованием, знанием четырех иностранных языков их приобщали к идеям пацифизма и выбору «особого пути» к познанию Аллаха. Обретение веры в этом случае связывалось с принятием тариката, метода духовного совершенствования и познания религии в исламе, практикуемого представителями такого исламского течения, как суфизм. При этом на каждого ученика как будущего агента «влияния» было заведено секретное досье, включающее анкету, отзывы, биографию, полную характеристику и многое другое. Все учащиеся вплоть до зрелого возраста находились под контролем с должным процессом их изучения, ранжирования и т. д., а наиболее преданные и способные проходили последующее обучение в учебных заведениях Турции. За 20 лет обучения система «фетхуллаци» подготовила для РК каждого четвертого представителя элиты; пятого чиновника в возрасте до 40 лет; а 85% представителей элитных групп (преимущественно этнические казахи) обучало своих детей в турецком лицее. В последующем подвергшиеся «гюленизации» обучаемые оказались на многих ключевых постах во всех сферах государственной деятельности, включая суд и прокуратуру, разведку и безопасность, армию, полицию и образование. Можно полагать, что часть казахстанской элиты, пройдя процедуру «гюленизации», в определенном смысле ментально «подготовлена» к грядущим изменениям и переформатированию Казахстана.

Другим направлением работы по ментально-психологическому подрыву Казахстана является деятельность около 2000 НКО и 200 неправительственных организаций, получающих зарубежное финансирование, а также 53 международных организаций, 30 иностранных государственных организаций, 77 зарубежных НКО и фондов. Достаточно активную работу в деструктивном

плане проводит фонд «Сорос – Казахстан», которым только в период с 1995 по 2020 г. потрачено 100 млн долларов. Осуществлено финансирование программ, таких как «Публичная политика», Медийная программа, «Общество для всех», «Прозрачность и подотчетность», «Новые гражданские инициативы». Фонд Сороса активно взаимодействовал с 2000 студентов и за время с 1995 по 2013 г. субсидировал их обучение за границей.

Наиболее ярко национализм элиты, интеллигенции и молодежи впервые проявился во время алма-атинских событий 1986 г. [24], затем в 2019 г., когда состоялись оппозиционные выступления по итогам выборов президента. В массовых беспорядках приняли участие наряду со сторонниками западной демократии радикал-националисты, салафиты, а также новая политическая сила «Оян, Казахстан», коалиция «Республика», «Демократический выбор Казахстана», структуры оппозиционера М. Аблязова, а также организованной молодежи, получившей образование за рубежом. В целом такого рода события являются репетицией будущего наступления на власть и проверкой ее на устойчивость, выявления и поиска слабых мест.

В контексте изложенного можно констатировать, что при ориентации 2/3 граждан Казахстана на Россию у оставшейся части обнаруживаются скрытые формы конфликтной этноидентичности. Поиск путей к «новому» обществу на основе отрицания России и навязанных западом иллюзий через элиту привели к фрагментации менталитета казахского социума. «Многовекторность» расколов, архаика социума задала проекцию деструктивного культивирования казахского национализма и экстремистских настроений, сегментировав их на группы, в которых мотивы, цели, рефлексивные средства взаимодействия и установки имели различный уровень устойчивости. Перевод их в фактор целостного участия по параметру существенности (несущественности) и построения операционной схемы представлялся достаточно сложным. Поэтому англосаксами из теории «мягкого влияния» был извлечен психологический механизм порождающего взаимодействия субъектно-личностного и гностического уровней регуляции мышления. Так, в ночь на 4 января 2022 г. в Центральной мечети были собраны группы ваххабитской и дан инструктора, направленный на захват власти. Использовались технологии постановки новых проблем, побуждения инициатив, коррекции такого рода деятельность и т. д. В целях укрепления устойчивости транслировался гностический уровень с модификацией установки на самостоятельные акты мышления и работы по ситуации.

2. Идентификация акторов кризисного нарратива: психологический дискурс. Репрезентация

попытки госпереворота в РК как нарратива² в виде «ансамбля лингво-психологических структур, передаваемых культурно-исторически и ограниченных уровнем мастерства»³ ряда акторов позволяет использовать при анализе нарративный подход. Будучи структурой, в которой «люди думают, воспринимают, воображают и совершают моральные выборы [25, с. 13], нарратив упорядочивает исследуемый опыт, наделяя смыслом и проецируя вовне их идентичность. Смысл как элемент сознания и деятельности в рамках казахского менталитета и сложной реальности подготовки переворота раскрывает феноменологический аспект, где он позволяет идентифицировать поведение акторов. Смысложизненный характер нарратива обнаруживает связь не только с нормами, например, Уголовного права и номадной культуры, но и нормативной структурой взаимодействия в конфликте. Тем самым определяется направленность криминального сознания и мышления человека на конкретный предмет (захват власти), что просматривается с позиции его официально-провластного дискурса, включающего коммуникативные технологии, насилие, манипуляции. При этом активность исследуемых групп здесь, трансформируясь, приобретает более психологический, чем политический характер. Именно внутриспсихическое напряжение как итог избыточной психической энергии казахского социума обеспечил состоятельность оппозиционного дискурса.

Новая «Большая игра» в Центральной Азии включила РК с его «многовекторностью» в орбиту политики США, Британии, Турции и ряда других стран. В начале XXI в. сложилась достаточно устойчивая система, акторы которой, удовлетворяя потребности через официальные возможности, спецслужбы и агентов влияния, обеспечивали ее устойчивость. Однако с избранием президентом РК Токаева монопольное влияние англосаксов было блокировано и каждый из акторов стал прорабатывать различные варианты решения своих проблем. Системный анализ попытки захвата власти не только обнажил постановочный характер событий, но и вскрыл сложность сценария и открыл истинную взаимосвязь акторов внешней политики (США, Британии, Турции и др.) с внутренними (салафиты, националисты, сетевые организации Гюлена, Сороса, Аблязова и др.) деструктивными силами. Предвестником подготовки переворота стали инициированные англо-

саксонским зарубежьем акции протеста, создание сетевых площадок с системой организации подготовки будущих координаторов на местах с помощью НПО, «раскачка» коллективного сознания казахов с помощью радио «Свобода», ВВС и т.д. Показательным остается факт заблаговременного проведения в РК осенью 2021 г. ряда локальных опросов на предмет выявления восприятия и отношение респондентов к власти, политической картины общества, динамики политического сознания, аспектов социально-политического кризиса и т.д. В результате скрытого массированного деструктивного воздействия на оппозицию акторам удалось их активизировать посредством комплекса мер гибридного характера. На фрагментарном уровне раскрылся оппозиционный дискурс как упорядоченный механизм организации коммуникации и взаимодействия в смысловом поле спецслужб акторов с оппозицией.

В целом совокупность используемых англосаксами правил, обеспечивающих специфику «мероприятий» в виде деструктивных практик, и скрытность реализуемых технологий убеждают в проведении ими специальной операции. При ее реализации учитывался менталитет казахов, специфика поддержания связи с конфидентами из структур РК (КНБ, МВД, МИД и др.), а также жужовой и салафитской систем. Такого рода спецоперация представляет собой технологию воздействия, ядром которой стал совокупный потенциал внутренних и внешних деструктивных сил в виде гибридно-психологических средств достижения целей. Тематическая направленность при этом позволила идентифицировать через смысловое поведение акторов, спектр реакции которых складывается из политической и психологической компонент, связанных концептом «попытки госпереворота». Для авторитарного государства находящегося на грани бунта, чрезмерная концентрация власти, бедность большинства населения стали источником глубинного проявления разрушительных тенденций. Определяющим для оппозиции, представляющей архаичный казахский социум, стал цивилизационный фактор в части отношения к номадной культуре. В то же время номадная цивилизация как застывшая и не имеющая истории убеждает в тупиковом характере ее развития, неспособности конкурировать с современным миром. Неслучайно активность деструктивных групп в границах дискурса включала ярко

² Исследование процесса наррации, в котором идентичность трансформируется и раскрывает групповые интересы и требования к политической системе. Имея прямую связь с психологическим дискурсом, определяет рамки его функционирования, роли, которую он выполняет, исключая восприятие нарратива как истории. Его структурная неопределенность проявляется в хаотичности, противоречивости, монтаже и рваных элементах.

³ Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы. URL: <http://galapsy.narod.ru/PsyNarrative/Brockmeier.htm> (дата обращения: 22.01.2022).

выраженное неприятие власти и имела крайне разрушительные формы. Обобщение имеющихся материалов посредством фрагментарного анализа спецоперации позволяет раскрыть психологическую природу дискурса с вероятностной идентификацией смыслового поведения ее акторов.

1. Этнокультурные символы и этноидентичность [12] казахского социума в условиях роста национализма и этнической мобилизации способствовали трансформации этнического сознания. Неоднозначно воспринимаемая в РК политика «многовекторности» с ориентацией на Запад, Китай, Турцию и т.д. погрузила сообщество в состояние неопределенности и психологической незащищенности. Сегментация социума на основе этноидентичности и групповой принадлежности обусловили формирование конфликтной идентичности. Срежиссированный англосаксами кризис раскрыл целевые установки, особое психическое состояние личности ее участников, превращая в отдельные целевые группы, в которых наблюдалось образование «коллективной души организованной, или одухотворенной, составляющей единое существо и подчиняющейся закону духовного единства толпы» [25, с. 86].

2. Новая «Большая игра» (англ. The New Great Game) раскрывает современную геополитику англосаксов в Центральной Азии и Казахстане. Их стратегической целью является противодействие и открытие второго фронта против России с последующим ограничением ее влияния и вытеснения из региона [13]. С целью отрыва РК от России и превращения в управляемый объект «тюрокского мира» функции управления тюрокской части переданы США Турции. С избранием нового президента РК для Вашингтона и Лондона возникла опасность утраты урановых и других месторождений [17]. Поэтому если целевой установкой США стало создание в Казахстане «управляемого хаоса», то для Британии – взятие под контроль обладающих уникальной минерально-сырьевой базой западных регионов Казахстана. По сути, главной целью англосаксов в новой «Большой игре» остается Казахстан с его геостратегическим положением между Европой и Юго-Восточной Азией, Сибирью и Средним Востоком.

3. Развитие геополитической ситуации в контексте деструктивной политики англосаксов обусловило появление для РК угроз в виде экстремизма, сепаратизма, терроризма, а также радикального национализма. В своих устремлениях они учитывают специфику жузово-этнической системы, которая включает конкурирующие племенные союзы, пребывающие в скрытой клановой

вражде. При этом используют в своих целях клановые элиты, ориентированные на США, Китай, Британию, Турцию, Иран и др. Ряд аналитиков видят в этом реальную угрозу раскола страны. «Расшатывание» РК и доведения до паралича власти осуществлялось рядом спецслужб во время «двоевластия», совмещенное с попыткой госпереворота. Об инспирировании англосаксами переворота сообщили ИАО Tochka Zreniya, ряд аналитиков и экспертов, а затем на саммите лидеров государств ОДКБ президент Токаев. При этом организаторы попытки переворота остаются в тени, имея отношение к категории «неприкасаемых».

4. Выделенный нами дискурс – методологический инструмент анализа, во-первых, в период «двоевластия» и противоборства казахских элит, во-вторых – фрагментарного изучения этапов попытки переворота как подготовки слома стабильного порядка, создания управляемого хаоса с учетом точек неустойчивого равновесия и возможностью смены направления, отказа от плана и т.д. В целом сценарий включал две конфликтные стороны в виде «власти» и «оппозиции», а также управляющего субъекта в виде совокупного актора международного права (США, Британия) как доминирующей и законспирированной стороны. Скрытой стороной конфликта выступила и Турция [14]. Фрагментарный анализ показывает попытку переворота как сложного, интегративного феномена в виде совокупности согласованных, скоординированных и взаимосвязанных поведенческих действий посредством способов и приемов психологического воздействия на среду и социум в целях создания управляемого хаоса. Организатор имел возможность от ситуации к ситуации изменять направленность поведения групп с помощью определенных способов [26], что вскрывает факт проведения англосаксами спецоперации.

5. Транзит власти приобрел затяжной характер по причине сохранения Елбасы широких полномочий и влияния на госаппарат и силовые структуры до 5 января 2022 г. [27]. Психологический разрыв «двоевластия» создал предпосылки интеграции иной силы, способной с помощью спецслужб англосаксов переиграть ситуацию с преимуществом в свою пользу⁴. Этой силой могли быть: а) теневые политические фигуры, которые, будучи «неприкасаемыми», планировали «утопить» президента Токаева; б) действующий президент РК, используя протесты, имел возможность «отодвинуть» клан Елбасы и монополизировать власть в своих руках; в) молодое поколение либеральных радикалов, включая националистов; г) ваххабиты, казахский фронт джихада и др. Елбасы, буду-

⁴ Ростовский М. Засекреченный путч: что на самом деле произошло в Казахстане. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/01/09/zasekreche> (дата обращения: 21.01.2022).

чи самым богатым человеком в РК, инициировал казахскую элиту на активную работу с англосаксами, Китаем в направлении консолидации с Организацией тюркских государств (ОТГ) во главе с Турцией. В результате страна стала терять субъектность и вероятностный путь развития.

6. Работа западных спецслужб основывалась на знании особенностей казахского менталитета, специфике противоборства элит и ряда других факторов, что было учтено при разработке сценария спецоперации. Этому способствовало наличие в окружении Елбасы советников в лице экс-премьер-министра Британии Т. Блэра, агентов ЦРУ Дж. Гиффена и ряда других. Благодаря их «заботам» в архиве президента США хранятся 22 ящика секретных документов по РК и его президенту. Практическая подготовка к перевороту началась осенью 2021 г. на встрече, когда шеф МІ6 Р. Мур [20] согласовал с президентом Украины В. Зеленским [21] ряд вопросов по организации переворота в РК. В итоге в Киеве были выделены помещения для сотрудников британской резидентуры и расселения М. Аблязова, а также его штаба. Планировалась переброска из Афганистана в Украину под благовидным предлогом 7 тыс. боевиков, а затем в Алматы с последующим их размещением в труднодоступных местах. Отрабатывался вариант захвата аэропорта Алматы для принятия «нового премьера» страны М. Аблязова с правительством, утвержденным британцами. В рамках спецоперации, которой предположительно руководил под крышей МИД Британии сотрудник МІ6 Джонатан Пад, осуществляли работу структуры Сороса и ЦРУ, которыми через соцсети создавался управляемый хаос на территории РК.

7. Близкий тому сценарий, включающий три взаимосвязанных этапа, развертывался в начале января 2022 г. На начальном этапе, носившем характер социально-экономических требований в Жанаозене, были проведены мирные акции, связанные с повышением цен на газ в два раза одним из родственников Елбасы – Т. Кулибаевым. На втором этапе во многих городах были фиксированы антиназарбаевские шествия, в основе которых лежало противодействие засилью власти клана Елбасы, ограбившего страну. Последний этап, в период с 5 по 7 января, до ввода сил ОДКБ, включал массовые беспорядки, погромы, поджоги и акты насилия с нападениями на склады и захвата оружия и документов в ряде структур КНБ РК. Поведение оппозиции носило строго организованный характер, когда, например, экстремистская группировка «Таблиг-и джаамат» обеспечивала координацию деятельности салафитов, участвующих в массовых беспорядках с 4 по 8 января. Реализация проекта ЦРУ по хаотизации в РК должна достигнуть максимума, а по прибытии в страну

реальных вождей восстания «Таблиг-и джаамат» планировалось установить в стране режим регионального джамаата. Религиозные радикалы не скрывали своих устремлений, поскольку находились под опекой племянника Елбасы Кайрата Сатыбалды, известного правоверного мусульманина и сторонника резкого повышения роли религии в стране, а в прошлом шефа КНБ РК. В предгорьях Заилийского Алатау им были созданы секретные тренировочные лагеря для подготовки боевиков [17]. Этот проект, видимо, курировал его родной брат и племянник Елбасы – Самат Абиш, занимавший пост 1-го заместителя главы КНБ РК.

8. Главной мишенью скрытного влияния западных спецслужб в период январского кризиса являлись не только государственность Казахстана, но и центральноазиатское единство и ослабление России. Так, стратегией ЦРУ по созданию управляемого хаоса в РК, а затем – регионе «Большой Центральной Азии» с республиками Центральной Азии, включая Афганистан и Пакистан, где расположена штаб-квартира «ТДЖ». При этом МІ6 планировала подготовку расчленения РК и создания марионеточного режима на территории нефтеносного, но социально отсталого Западного Казахстана. Поэтому англосаксами была предпринята попытка в рамках спецоперации интегрировать два конкурирующих и несовпадающих друг с другом геополитических проекта. В рамках первого проекта ЦРУ планировало использовать созданные ими исламистские сети из числа сотен боевиков-салафитов, составляющих боевую основу так называемого «секретного легиона джихада». С прибытием в Алматы реальных руководителей переворота члены ТДЖ должны были усилить процесс управляемой хаотизации Казахстана с установлением режима джамаата. Развязывание войны с соседними республиками, вторжение талибов в Таджикистан, ликвидация элит в РК, тотальная гражданская война на южных рубежах России – так можно представить схему целеопределения деятельности ЦРУ США. Вторым проектом, реализуемым МІ6 Британии, стал оппозиционер М. Аблязов, с помощью которого предполагалось расчленить страну, выделив нефтеносный Западный Казахстан с перспективой создания марионеточного режима. В ходе январского мятежа М. Аблязов пытался его возглавить [18] и отдавать приказания своей сети в Казахстане. Однако его деятельность вошла в противоречие с целями США, что повлекло ее пресечение агентурой ЦРУ путем задержания наиболее активных «аблязовцев», а ввод войск ОДКБ сорвал планы англосаксов по реализации обозначенных проектов.

9. С передачей Турции англосаксами полномочий по управлению тюркской части Центральной Азии определились условия реализации тюркского

проекта, основой которого являлся Казахстан [28]. Многие годы Анкара вкладывала в «умы и сердца» казахской элиты идеологию «Великого Турана» и концепцию туркоцентричной интеграции всех тюркских народов. Образ, принципы создания такой организации изначально принадлежали Елбасы, а у ее истоков стояли Казахстан и Турция. При формировании ОТГ при ведущей роли Анкары в основу был положен документ «Видение тюркского мира 2040», ранее разработанный Елбасы с ориентацией на создание туркоцентричной подсистемы и «Армии Турана». За завесой «уважения к тюркским братьям» просматривается стремление Эрдогана включить ряд стран, лишенных геополитического выбора, в орбиту ее развития. Январский кризис в РК отразился на многих странах в том числе Турции, которая утверждала, что события застали их врасплох. О наличии турецкой агентуры в РК имеется множество фактов, например, родственник Елбасы – К. Сатыбалды, в прошлом шеф КНБ РК, никогда не скрывал своих связей с МІТ и после ухода из службы. Поэтому Анкара о подготовке переворота от своего конфиденанта не могла не знать, прорабатывая модель реагирования на события. По данным WarGonzo со ссылкой на источники, близкие к руководству РК, Турция планировала ввод войск в РК. По сценарию за помощью к президенту Эрдогану должен был обратиться экс-президент Назарбаев. Затем под флагом «Тюркского совета» в РК могли быть введены турецкие войска. WarGonzo полагает, что «и за турецким сценарием, и за семьей Назарбаева стоит шеф МІБ Ричард Мур. Однако Токаев, переиграв заговорщиков, обратился за помощью в ОДКБ и получил поддержку [20].

10. Турция, установив тесное системное сотрудничество с Британией [21], находит поддержку у населения южных и западных областей Казахстана, разделяющих идеи пантюркизма и проводит в отношении казахской элиты гибкую политику. Поэтому Анкара не пошла на открытое участие в спецоперации совместно с Британией и США. Однако Турция не только открыла путь Британии в РК, но и оказывала незримую помощь англосаксам по созданию управляемого хаоса, способствуя продвижению идей пантюркизма и ослаблению Казахстана. В интервью экс-главы разведки Генштаба Турции И. Пекина можно найти подтверждение, что проект по Казахстану был разработан англосаксами в 2018 г. [22] с целью вытеснения России из Центральной Азии и создания второго фронта. Эрдоган, склоняя РК к стратегическому союзу, использовал все возможности, вплоть до введения Назарбаева в статус «Великий аксакал тюркского мира». Январский кризис в Казахстане усилил желание Турции придать ОТГ военно-политическое измерение, продолжить

работу с англосаксами по Казахстану, а в целом по Центральной Азии.

Анализ психологического дискурса январского нарратива в РК позволяет в достаточной мере идентифицировать смысловое поведение акторов, принявших участие в подготовке и попытке осуществить госпереворот. Фрагментарный анализ спецоперации обнажил ее социально-психологическую природу, а конкретизация внутренних и внешних деструктивных сил – их неоднородную персонификацию в общей структуре отношений к власти в рамках концепта «подготовки и осуществления госпереворота». Представляет интерес дальнейшее изучение оперативной деятельности акторов, степени их участия в январской трагедии посредством функций персонификации.

Выводы. Предпринятое исследование раскрывает психологическую природу кризиса 2022 г. и спецоперации по осуществлению англосаксами госпереворота в РК. Анализ обнаруженных фрагментов позволяет воспринимать ее в виде комплекса высокотехнологичных, когнитивных и организационных средств и раскрывает сложную и системную работу. Затянувшееся «двоевластие» было использовано спецслужбами англосаксов путем попытки интеграции третьей силы в условиях [22], когда элита и социум в процессе «расшатывания» были погружены в состояние когнитивного диссонанса. Казахи как носители номадной культуры и степного менталитета обладали через многократную комбинацию психического напряжения той степенью когнитивной подвижности, которая привела к трагедии января 2022 г. Политико-психологическая неоднородность содержания дискурса, включающего борьбу за власть, имела ряд секретных решений и договоров в рамках архаичной жузовой системы. Оставаясь закрытыми для общественности, они обеспечили дальнейший ход развития кризиса. Конфликтное взаимодействие ведущих прогосударственного и оппозиционного дискурсов, а также оперативная деятельность англосаксов были охвачены общим дискурсом спецоперации. При ее разработке были учтены ментальные особенности и противоречия казахского социума, а также совокупность рисков иного плана. Однако попытка госпереворота, предпринятая англосаксами в РК, в результате своевременного ввода войск ОДКБ потерпела крах. Дальнейший ход событий раскрывает расширение стратегического партнерства Казахстана с Турцией, подписание ряда протоколов в том числе в сфере военной разведки, что может вновь подвести РК к целевой «ловушке». Материалы проведенного нами исследования планируется использовать в курсе лекций «Информационно-психологические операции в современном мире: социально-психологический аспект».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шукуров Ш. М., Шукуров Р. М. Центральная Азия (опыт истории духа). Москва: Центр стратег. планирования Оренбургской обл., 2001. 256 с.
2. Schatz E. Reconceptualizing clans: kinship networks and statehood in Kazakhstan // Nationalities papers. 2005. Vol. 33, no. 2. P. 231–254.
3. Наурызбаева З. Культура кочевников и современный менталитет казахов // Қазақ альманағы. 2010. №1. С.119.
4. Канетти Э. Масса и власть. Москва: АСТ, 2019. 576 с.
5. Абдуллин Д. Европейский Союз – Казахстан, ЦАР, стратегия, тактика и развитие // Каспийский вестник: портал. 20 апр. 2022. URL: <http://casp-geo.ru> (дата обращения: 01.03.2022).
6. Кадыржанов Р. К. Этнокультурный символизм и национальная идентичность Казахстана. Алматы: Ин-т философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2014. 168 с.
7. Еркибаева Г. Г. Некоторые особенности казахского менталитета. URL: http://www.rusnauka.com/2_KAND_2013/Psihologia/7_125325.doc.htm (дата обращения: 12.04.2022).
8. Комаров О. Е. Межконфессиональные отношения в современном казахстанском обществе (опыт социологического исследования в Жамбылской обл.) // Стратегия «Казахстан-2050»: социальное развитие общества: материалы V Конгр. социологов Казахстана. Алматы, 2014. С. 288–295.
9. Сабитов Ж. М. Казахские жузы и клановая система Золотой Орды // Молодой ученый. 2015. № 11. С. 1165–1170.
10. Брэкер Г. Идентичность этнического и религиозного сознания // Проблемы национальных отношений В СССР. Москва: Прогресс, 1989. 280 с.
11. Егенисова А. К., Ерубаяева А. Р. Психологические особенности национального менталитета казахского народа // Международный журнал экспериментального образования. 2015. №4-2. С. 371–376.
12. Собольников В. В. Менталитет, ментальность и этнопсихологические особенности китайцев. Москва: Вузовский учеб.: ИНФРА-М, 2017. 160 с.
13. Кшибеков Д. Ментальная природа казахов. Алматы: Ғылым, 2005. 256 с.
14. Жукешев К. Менталитет и национальная психология // Мысль. 2006. №6. С.16–21.
15. Социально-политическая стратификация казахстанского общества (по результатам социологического исследования КИСИ и научно-исследовательского проекта ИФиП). Алматы: КИСИ при Президенте РК, Ин-т философии и политологии КН МОН РК, 2011. 128 с.
16. Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси: Изд-во Акад. наук Груз. ССР, 1961. 210 с.
17. Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. 2-е изд., доп. Алматы: 2011. 740 с.
18. Бектурганова Б. Казахская идентичность: трудности обретения // Baiterek.kz. URL: <http://www.baiterek.kz/index.php?journal=3&page=95> (дата обращения 18.04.2022).
19. Шайкемелев М. С. Казахская идентичность. Алматы: Ин-т философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2013. 272 с.
20. Кочесовы З. Х., Арипов А. М. Факторы, влияющие на развитие религиозного фундаментализма на современном этапе // Научный портал МВД России. 2013. №3. С. 100–106.
21. Алжанова Г. Б., Няму С. И. Влияние западной культуры на казахстанское общество // Молодой ученый. 2016. №9. С. 1224–1226.
22. Комлева Н. А. Возрождение империи «Турецкий треугольник» // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. №3. С. 83–105. DOI: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2021-3-1082>.
23. Мирошкина О. С. Движение Фетхуллага Гюлена: за и против. Взгляд со стороны // Психология, социология и педагогика. 2013. №3. URL: <https://psychology.snauka.ru/2013/03/1943> (дата обращения: 02.01.2022).
24. Мякшев А. П. События в Алма-Ате в декабре 1986 г.: первый ультиматум национальных элит центру // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2018. Т. 18, №4. С. 432–439. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-432-439>.
25. Сарбин Т. Р. Нарратив как базовая метафора для психологии // Постнеклассическая психология. 2004. №1. С. 6–28.
26. Пономарева Е. Г. Современность: тайновое политических переворотов // De Aenigmate / О Тайне. Москва, 2017. С. 461–520.
27. Insebayeva S. Imagining the Nation: identity, Nation building and foreign policy in Kazakhstan // CAP Central Asia Program. 2016. CAP Pap. 175. P. 1–12. URL: <https://centralasiaprogram.org/imagining-nation-identity-nation-building-foreign-policy-kazakhstan> (дата обращения: 12.03.2022).
28. Olcott M. Islam and fundamentalism in Independent Central Asia // Conflicting legacies. London, 1995. P. 2–21.

REFERENCES

1. Shukurov Sh. M., Shukurov R. M. *Central Asia (the experience of the history of the spirit)*. Moscow, Center for Strategic Planning of Orenburg Region, 2001, 256 p. (In Russ.)
2. Schatz E. Reconceptualizing clans: kinship networks and statehood in Kazakhstan. *Nationalities Papers*, 2005, vol. 33, no. 2, pp. 231–254.
3. Nauryzbayeva Z. Nomad culture and modern mentality of Kazakhs. *Kazakh Almanags*, 2010, no. 1, pp. 119. (In Russ.)
4. Canetti E. *Mass and power*. Moscow, AST, 2019, 576 p. (In Russ.)
5. Abdullin D. The European Union – Kazakhstan, CAR, strategy, tactics and development. *Caspian bulletin: portal*, Apr. 2022. URL: <http://casp-geo.ru> (accessed 1.03.2022). (In Russ.)
6. Kadyrzhanov R. K. *Ethno-cultural symbolism and national identity of Kazakhstan*. Almaty, Inst. of Philosophy, Polit. Science a. Religious Studies KN MES RK, 2014, 168 p. (In Russ.)
7. Erkiybayeva G. G. *Some features of the Kazakh mentality*. URL: http://www.rusnauka.com/2_KAND_2013/Psihologia/7_125325.doc.htm (accessed 12.04.2022). (In Russ.)
8. Komarov O. E. Interfaith relations in modern Kazakh society (experience of sociological research in Zhambyl Region). *Strategy «Kazakhstan – 2050»: social development of society: proc. of V Congr. of sociologists of Kazakhstan*. Almaty, 2014, pp. 288–295.
9. Sabitov Zh. M. Kazakh zhuzes and the Golden Horde clan system. *Young scientist*, 2015, no. 11, pp. 1165–1170. (In Russ.)
10. Bracker G. *Identity of ethnic and religious consciousness. Problems of national relations in the USSR*. Moscow, Progress, 1989, 280 p. (In Russ.)
11. Egenisova A. K., Yerubaeva A. R. Psychological features of the national mentality of the Kazakh people. *International journal of experimental education*, 2015, no. 4–2, pp. 371–376. (In Russ.)
12. Sobolnikov V. V. *Mentality, mentality and ethnopsychological features of the Chinese*. Moscow, Univ. textbook, INFRA-M, 2017, 160 p. (In Russ.)
13. Krkhibekov D. *The mental nature of the Kazakhs*. Almaty, Gylym, 2005, 256 p. (In Russ.)
14. Zhukeshev K. Mentality and national psychology. *Thought*, 2006, no. 6, pp. 16–21. (In Russ.)
15. *Socio-political stratification of Kazakhstan society (based on results of a sociological study of CIS and IFiP research project)*. Almaty: KISI at President of Rep. of Kazakhstan, Inst. of Philosophy a. Polit. Science of KN MES RK, 2011, 128 p. (In Russ.)
16. Uznadze D. N. *Experimental foundations of the psychology of installation*. Tbilisi, Acad. sciences Gruz. SSR, 1961, 210 p. (In Russ.)
17. Masanov N. E. *The nomadic civilization of the Kazakhs: the foundations of nomadic society*. 2nd ed. Almaty, 2011, 740 p. (In Russ.)
18. Bekturganova B. Kazakh identity: difficulties of acquisition. *Baiterek.kz*. URL: <http://www.baiterek.kz/index.php?journal=3&page=95> (accessed 18.04.2022). (In Russ.)
19. Shaikemelev M. S. *Kazakh identity*. Almaty, Inst. of Philosophy, Polit. Science a. Religious Studies of KN MES RK, 2013, 126 p. (In Russ.)
20. Kochesokov Z. H., Aripshv A. M. Factors influencing the development of religious fundamentalism at the present stage. *Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2013, no. 3, pp. 100–106. (In Russ.)
21. Al'zhanova G. B., Nyamtsu S. I. The influence of Western culture on Kazakh society. *Young scientist*, 2016, no. 9, pp. 1224–1226. (In Russ.)
22. Komleva N. A. Revival of the empire «Turkish Triangle». *Bulletin of Moscow State Regional University*, 2021, no. 3, pp. 83–105. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2021-3-1082>.
23. Miroshkina O. S. The movement of Fethullah Gulen: pros and cons. A view from the outside. *Psychology, sociology and pedagogy*, 2013, no. 3. URL: <https://psychology.snauka.ru/2013/03/1943> (date of application: 02.01.2022). (In Russ.)
24. Myakshv A. P. Events in Alma-Ata in December 1986: the first ultimatum of national elites to the center. *Bulletin of Saratov University. New series. Series: History. International relationships*, 2018, vol. 18, no. 4, pp. 432–439. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-432-439>.
25. Sarbin T. R. Narrative as a basic metaphor for psychology. *Postnonclassical psychology*, 2004, pp. 6–28. (In Russ.)
26. Ponomareva E. G. Modernity: the secret of political coups. *De Aenigmat / On the secret*. Moscow, 2017. pp. 461–520. (In Russ.)
27. Insebayeva S. The idea of a nation: identity, nation-building and foreign policy in Kazakhstan. *CAP Central Asia Program*, 2016, CAP pap. 175, pp. 1–12. URL: <https://centralasiaprogram.org/imagining-nation-identity-nation-building-foreign-policy-kazakhstan> (accessed 12.03.2022).
28. Olcott M. Islam and fundamentalism in independent Central Asia. *Conflicting legacies*. London, 1995, pp. 2–21.

Информация об авторе

Собольников Валерий Васильевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений, Сибирский институт международных отношений и регионоведения (Российская Федерация, 630075, г. Новосибирск, ул. Ватутина, 17/1, e-mail: vsobolnikovis@gmail.com). ORCID: 0000-0002-5880-7283

Статья поступила в редакцию 04.07.2022

После доработки 16.09.2022

Принята к публикации 26.09.2022

Information about the author

Valery V. Sobolnikov – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of the Department of International Relations, Siberian Institute of International Relations and Regional Studies (17/1 Vatutina Str., Novosibirsk, 630075, Russian Federation, e-mail: vsobolnikovis@gmail.com). ORCID: 0000-0002-5880-7283

The paper was submitted 04.07.2022

Received after reworking 16.09.2022

Accepted for publication 26.09.2022